

УДК 94(5)

Кожемяк Н.С., аспирант, сотрудник Управления по работе со студентами и выпускниками, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА Х. АСАДА ПО ОТНОШЕНИЮ К ДРУЗСКОЙ ОБЩИНЕ СИРИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена исследованию взаимоотношений режима Х. Асада (1970-2000 гг.) и друзской общины Сирии — этноконфессионального меньшинства, составляющего около 2-3% населения страны и компактно проживающего в южной провинции Сувейда. Будучи наиболее замкнутой и автономной группой населения Сирийской Арабской Республики, друзья на протяжении десятилетий противостояли центральным властям страны вне зависимости от их идеологического и политического курса. После того, как община пережила свой «золотой век» в сирийской политике в 1960-х гг., практически все её представители были смешены со сколько-нибудь важных постов в Сирии после пришествия к власти в 1970 г. Хафеза Асада. Однако необходимость замирения сепаратистской общины вынудила новый политический режим предпринять в отношении друзов ряд политических, идеологических и социально-экономических мер, направленных на борьбу с традиционной феодальной аристократией, широкими полномочиями религиозных властей, а также символами и проявлениями друзского коммунализма. Анализ данных мер и их результатов составляет предмет исследования данной статьи. Отдельно рассматривается трансформация форм и моделей участия друзов в политической жизни страны, а также их вовлечённость в новую баасистскую элиту.

Ключевые слова: друзья, Сирия, Сувейда, Джебель-Друз, БААС, баасизм, Хафез Асад, коммунализм, сепаратизм.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-47-55

Рассмотрение взаимоотношений государства с этноконфессиональными общины страны является одним из приоритетных направлений исследований современной Сирии. Существует целая серия книг западных специалистов, посвящённых этноконфессиональной проблематике данной страны в период президентства Х. Асада и Б. Асада (1970 гг. - настоящее время). Среди них особенно выделяются «The struggle for power in Syria: sectarianism, regionalism and tribalism in politics, 1961-1980» Николаса Ван Дама [18], «The Alawis of Syria: War, faith and politics in the Levant» под редакцией М. Керра и К. Ларкина [11] и «Ashes of Hama: The Muslim Brotherhood in Syria» Р. Лефевра [16]. Тем не менее, упомянутые работы, как и другие, уделяют внимание лишь такому аспекту, как противостояние в рамках борьбы за власть в Сирии между радикальными суннитскими элементами и алавитской общиной, при этом практически не затрагивая положение таких важных элементов сирийского общества, как друзья, христиане и исмаилиты. Большинство работ, посвящённых друзской общине, таких, как «A History of the Druze» К. Фирро [6] и «The Druze in the Middle East: Their faith, leadership, identity and status» Н. Дана [4] охватывают лишь период до начала-середи-

ины XX в., мало касаясь современного (после 1970 г.) положения данной группы. Принимая во внимание традиционно большую роль друзов страны в политической, социально-экономической и культурной жизни Сирии, представляется актуальным восполнить подобный пробел и рассмотреть политику в их отношении со стороны власти Х. Асада, создавшего современную Сирию и заложившего основы взаимодействия её общин на будущие десятилетия.

Дружская община является одной из ключевых этноконфессиональных групп населения Сирии. Составляя около 3% населения страны, друзья компактно проживают в южной провинции страны Сувейда. Также несколько десятков тысяч членов общины сконцентрировано на севере Сирии в районе Джебель Суммак в провинции Идлиб. Существенное друзское население имеется в пригороде Дамаска Джарамане, а также на границе с Ливаном в горах Хермон [1].

Исповедуя монотеистическую религию, совмещающую черты ислама, христианства, гностических верований и греческой философии, друзья (самоназвание «муваххиды» - «единобожники») на протяжении веков вели изолированный образ жизни в ливанских горах, а затем, начиная с XVIII века, в южной горной части Сирии, называемой Джебель-Друз -

«друзские горы». Попытки внешних сил поставить «еретическую» общину под контроль привели к формированию в друзской среде замкнутого и автономного самосознания, коммуналистского и сепаратистского восприятия мира. Постоянное противостояние центральным властям — османским, французским и сирийским — в целях сохранения своей автономии и фактической независимости вылилось в двадцать вооружённых восстаний друзов в период с начала XIX по середину XX вв. (восемнадцать антиосманских, одно антифранцузское (1925-1927 гг.) и одно антисирийское (1950-е гг.) [2, с. 111]. По этой причине взаимоотношения с неспокойным регионом Джебель-Друз, обладающим стратегической значимостью ввиду близости к Дамаску, являлись одним из наиболее сложных и болезненных вопросов для любого правительства страны.

Тем не менее, ещё до обретения Сирией независимости в среде друзской общины появился сегмент, стремящийся встать на путь интеграции в новое национальное государство. Светская партия БААС, рассматривавшая общину как часть арабской нации невзирая на конфессиональные особенности, и молодая национальная армия, принявшая в свои ряды множество традиционно воинственных друзов, стали единственными институтами, в которых представители данной группы сирийского населения могли с относительной лёгкостью делать карьеру и подниматься по социальной лестнице. В результате с установлением в стране баасистской власти друзья пережили свой короткий «золотой век» в сирийской политике. После того, как в 1963 г. друзским офицером Салимом Хатумом был осуществлён переворот, приведший к власти партию БААС, в период 1963-1966 гг. при своей незначительной доле в населении страны (2-3%) друзья составляли ок. 20% в главном партийном органе — Региональном командовании, фактически управлявшем Сирией [18, с. 108]. Друзские военные и партийные функционеры — Х. Убейд, М. Атраш, Дж. Шайя и С. Хатум — играли ключевую роль в национальной политике и, благодаря сплочённости и конфессиональному самосознанию, создали целую друзскую группировку. Однако после переворота 1966 г., осуществлённого алавитами С. Джадидом и Х.

Асадом, друзья, хотя и поддержали победившую сторону, были отстранены от основных рычагов власти [3, с. 95]. Два неудачных выступления в августе 1966 г. и 1967 г. привели к тому, что новое руководство страны организовало несколько масштабных чисток вооружённых сил, партии и правительства, в результате которых друзья лишились практически всех сколько-нибудь значимых постов. Таким образом, к началу правления Х. Асада представители исследуемой общины, ещё недавно занимавшие ключевые места в руководстве Сирии, вновь оказались вытесненным на периферию национальной жизни этноконфессиональным меньшинством.

Осознавая важность завоевания поддержки всех этноконфессиональных меньшинств страны для сохранения своей власти, Х. Асад не мог игнорировать важность друзского вопроса. Вместе с тем, традиционный друзский коммунализм и сепаратизм представляли очевидную угрозу новому режиму. Политика баасистского правительства по отношению к друзьям, следовательно, должна была быть направлена на слом традиционных институтов власти в общине, изменение форм политического участия и борьбу с символами узкой конфессиональной идентичности, замен которой требовалось интегрировать друзов в сирийское общество в политическом, правовом и идеологическом плане.

Одним из главных направлений политики правительства Х. Асада по отношению к друзьям Сирии стало сведение на нет роли традиционной аристократии — т. н. «шуюх аз-заман» («мирских шейхов») и выдвижение на место политических лидеров представителей средних и бедных слоёв общины.

Будучи достаточно замкнутой и автономной общиной, на протяжении столетий друзья Ближнего Востока управлялись группой феодальных кланов, обладавших большими наделами земли, административными функциями и правом осуществления власти на местах. Эти кланы, члены которых в определённые периоды превращались в де-факто независимых правителей друзских регионов, выступали лидерами общины во взаимоотношениях со внешним миром и играли консолидирующую роль для противодействия центральным властям, борьбы с завоевателями, а

также в вопросах преодоления социально-экономических кризисов. Среди сирийских друзов с середины XVIII века наибольшим политическим и экономическим весом пользовался клан аль-Атраш, в начале XX в. добившийся беспрецедентно высокого статуса благодаря харизме и авторитету Султана-паши аль-Атраша, лидера антифранцузского восстания 1925-1927 гг. [2, с. 26]. Немного менее могущественным, однако чрезвычайно важным являлся клан аль-Амер, обладавший властью в северной части Джебель-Друз. Эти семьи находились во главе иерархии, состоявшей из многочисленных землевладельческих кланов меньшей значимости, которые существовали во всех друзских селениях и имели как экономический вес благодаря владению землёй, так и общественный авторитет благодаря наследственным привилегиям и воинской силе [2, с. 26].

Однако в период правления баасистов и, в особенности, Х. Асада традиционно большая роль друзской феодальной аристократии в Сирии сошла на нет. Экономическое могущество кланов было подкошено аграрными реформами 1960-х гг., приведших к более уравнительному распределению земельных наделов по всей Сирии [12, с. 71]. Политическая и общественная значимость аристократических семей также была подорвана благодаря их маргинализации в органах управления и недопуску к рычагам власти в местах проживания. Так, в Джебель Суммак, районе компактного проживания друзов в провинции Идлиб, феодальная власть клана Аль-Кихья в конце XX в. уступала власти местного партийного функционера - друзья низкого происхождения [13, с. 146]. В северном Джебель Друзе клан аль-Амер, по свидетельству самих жителей провинции, потерял не только экономическую силу, но и авторитет в обществе, лишившись особого статуса [2, с. 28]. Наконец, самый влиятельный среди сирийских друзов клан аль-Атраш также пришёл в упадок. «Лидер национального восстания» Султан паша аль-Атраш на протяжении правления Х. Асада не только перестал быть неформальным лидером общины во взаимоотношениях с Дамаском, но и вовсе не отметился никакой, даже минимальной, политической активностью. До самой своей

смерти он проживал в Сувейде как частное лицо, хоть и пользуясь почётом и уважением земляков. После его смерти в 1982 г. высокое положение Атрашей стало номинальным. Они сохранили определённые атрибуты, титулы и уважение в среде единоверцев, однако перестали иметь какое-либо реальное влияние на положение дел в друзской общине и политику даже на местном уровне. Так, сын Султана-паши Мансур аль-Атраш, в 1960-х гг. важное лицо в партии БААС, после 1969 г. самоустранился из политики и, хотя и назывался рядом исследователей «выразителем мнения» друзской общины [15], в реальности не играл никакой заметной политической роли. В 1984 г. кланом был избран новый предводитель — аль-Амир Салим аль-Атраш, однако данный пост стал абсолютно символическим в отсутствие реальной власти [2, с. 28]. Очень немногие представители клана занимали государственные посты при Х. Асаде — в основном, на дипломатической службе. При этом в сирийских реалиях дипломатические назначения чаще всего являлись формой почётной ссылки, а не поощрения или признания.

В целом, практически ни один из представителей друзской традиционной феодальной аристократии не находился на важных должностях в системе власти в период президентства Х. Асада. Взамен баасистский режим выдвигал на значимые должности друзов скромного социально-экономического происхождения, далёких от феодальных семей, а также разделяющих политику партии с «аграрным уклоном» и всецело обязанных своим положением благоволению Х. Асада и его правительства. Так, оба друга, входивших в состав Регионального Командования БААС (главный партийный орган при Х. Асаде) в 1970-2000 гг. (всего они составляли 4.2% всех членов, что не только соответствовало, но и превосходило их долю в населении страны) — Мутиб Шнан и Тауфик Сальха — по происхождению принадлежали к крестьянам или мелким землевладельцам (то есть крестьянам, владеющим землёй) [2, с. 344, 349]. Из этих же слоёв происходили все друзья-партийные функционеры на местах и в центре [9, с. 158-62, 463-67].

Таким образом, в период президентства

Х. Асада традиционная феодальная друзская элита фактически потеряла всё то влияние, которое находилось в её руках на протяжении столетий. Взамен партийные и государственные посты получали представители общины, принадлежащие к бедным и средним городским слоям, преимущественно крестьянам и мелким землевладельцам. Эти изменения особенно заметны при сравнении с соседними Ливаном и Израилем, в которых традиционная друзская аристократия сохранила, хотя и в изменённой форме, свои статус и положение. Так, клан Джумблат в Ливане, управлявший друзами страны на протяжении двух столетий, во вторую половину XX в. ещё более упрочил свои позиции благодаря лидерству В. Джумблата и К. Джумблата во время гражданской войны и после неё. Семейство Джумблат стоит во главе мощной клановой иерархии, кроме того, оно институционализировало свою власть через созданную в 1949 г. Прогрессивную социалистическую партию, а также через ряд объединений и фондов [19]. В Израиле феодальный клан Тариф, обладавший властью среди друзов ещё во времена мандата, встал с одобрения израильского руководства во главе религиозных и судебных учреждений в 1950-е гг. [5, с. 172]. Несмотря на то, что друзская система судов представляла собой в первую очередь религиозную и судебную инстанцию, исследователи отмечают, что друзьяские кланы, занявшие в ней важные места, фактически сохранили и часть своей политической власти [14, с. 13-14]. В целом лидеры общины смогли поддержать свой авторитет в общине и частично власть в её внутренних делах благодаря лояльной позиции по отношению к властям страны [7, с. 51]. На фоне этих стран трансформация баланса сил в друзской общине Сирии кажется наиболее впечатляющей. Интересно, что в других регионах Сирии старая феодальная знать далеко не всегда отстранялась от власти. Так, исследователи отмечают, что в некоторых суннитских районах могущественные кланы интегрировались в партийные и государственные органы, фактически сохраняя своё положение [2, с. 24]. Однако в отношении друзов главной задачей баасистского руководства являлся подрыв традиционного коммунализма и сепаратизма

общины. В связи с этим феодальные вожди и лидеры как вдохновители и «живые символы» друзской самостоятельности должны были лишиться своего статуса. Показательно, что, несмотря на соболезнования, которые Х. Асад лично выразил семье аль-Атраш в 1982 г. в связи со смертью Султана-паши, по многочисленным свидетельствам силовые структуры препятствовали в последующие годы проведению мероприятий в годовщину его кончины, а его роль в сирийской истории целенаправленно умалчивалась [20], что также отражает общую линию Баас на борьбу с друзским коммунализмом.

Другим важнейшим изменением, затронувшим традиционные формы власти в друзской общине в период президентства Х. Асада, является снижение роли института «шуюх аль-акль» - «шейхов разума», верховных религиозных деятелей, обладающих в традиционной друзской общине высшими судебными полномочиями, авторитетом относительно важнейших религиозных и светских вопросов, правами улаживания конфликтов и спорных ситуаций. Пример Ливана, где проживает около 40% друзов в мире, показывает важность роли шуюх аль-акль для друзской общины. Должность шейх аль-акля в стране является государственной. Занимающий это положение шейх с собственным аппаратом (машияхат аль-акль) осуществляет надзор за шестью друзскими судами в разных районах страны, которые возглавляются шейхами-судьями рангом ниже [13, с. 119]. На шейх аль-акле, таким образом, замыкается вертикаль друзской судебной системы. Он обладает властью в вынесении важнейших приговоров и решений. В Израиле же действует похожая система — для друзов с 1960-х гг. действуют отдельные друзьяские суды под начальством судей, главным из которых был шейх аль-акль из рода Тариф [14, с. 13-14].

Институт шуюх аль-акль в Сирии с середины XIX в. находился в руках трёх семей — Джарбуа, Хиннави и Хаджари, члены которых, назначаемые на этот пост, выполняли традиционные судебные и законодательные функции, а также выносили фетвы по религиозным вопросам. Однако с приходом к власти Х. Асада ситуация изменилась. Стремясь

к унификации судебной системы по всей стране, президент не мог допустить существования автономных друзских судов. В связи с этим судебные функции были изъяты из ведения шуюх аль-акль и переданы гражданским судам, возглавляемым обычными чиновниками, многие из которых даже не были друзьями. Единственным условием их функционирования было следование друзскому обычному праву в вопросах брака, развода, наследования и других дел [13, с. 133]. Шуюх аль-акль потеряли возможность управлять этими судами. Таким образом, система религиозных судов в друзских районах была упразднена. Характерно, что, несмотря на эти шаги, шуюх аль-акль продолжили осуществлять «теневые» функции арбитров и миротворцев при возникновении конфликтных ситуаций между людьми, семьями и кланами. Фактически конкурируя с официальными судами, шейхи продолжали быть для традиционной части общины высшими авторитетами, посредничества которых просили при возникновении затруднительных ситуаций и нежелании обращаться в государственный суд [13, с. 133].

Лишив шуюх аль-акль официальных судебных и законодательных функций, Х. Асад не стал упразднять сам институт. Напротив, принимая во внимание религиозный и моральный авторитет этих старейшин, правящий режим предпочёл выстроить с ними доверительные и партнёрские отношения. Почётные места были сохранены за тремя традиционными семьями. Конкретные люди назначались на пост шейх аль-акль с одобрения властей, таким образом, впадая от последних в определённую зависимость. Взамен они демонстрировали в целом проправительственную позицию и солидарность с действующей властью по важнейшим вопросам [8]. Также шуюх аль-акль сохранили право распоряжаться пожертвованиями со всех друзских святынь и мест поклонения в стране, что, учитывая центральную роль подобных мест в друзской религиозной жизни, приносило значительные финансовые ресурсы.

Третьим значимым новшеством в жизни друзской общины периода президентства Х. Асада является изменение *модели участия друз-*

зов в политической жизни страны. Традиционной формой участия друзов в «большой политике» являлось действие в рамках группы, когда вокруг лидера-друза собирались его единоверцы и земляки, выступая, таким образом, единым фронтом в конфликтах и взаимодействии с центральными властями. При этом конкуренция между различными друзскими политиками или военными практически сходила на нет при необходимости взаимодействия с «чужими». Таким образом, на политической арене друзья представляли собой монолитную, сплочённую группу, объединённую вокруг главной фигуры, претендующей на право представлять на национальном уровне всю общину. В первой половине XX в. подобная ситуация наблюдалась, когда Зухейр и Султан аль-Атраши представляли всю общину перед османскими, арабскими, французскими и сирийскими властями при отсутствии какой-либо значимой оппозиции в друзской среде. Инстинктивно община сплачивалась вокруг сильных лидеров, и лишь их традиционные феодальные противники из клановых соображений не присоединялись к ним. В 1960-х гг., когда друзья-военные и баасисты стали добиваться высот власти в Дамаске, ситуация повторилась вновь: в отличие от суннитов и алавитов, постоянно делящихся на противоборствующие группировки и имеющих целый ряд лидеров, друзья во всех переворотах и противоборствах выступали единым фронтом в составе группы Убейда-Хатума. Показателен пример неудачного восстания 1967 г., когда двое политиков друзского происхождения, не имеющих ничего общего, кроме этноконфессиональной принадлежности — Салим Хатум и Мансур аль-Атраш — объединили силы для борьбы с Х. Асадом и С. Джадидом [17, с. 283]. Мансур аль-Атраш по происхождению принадлежал к самой знатной семье Джебель Друза, а идеологически относился к «старым» гражданским баасистам, которые потеряли своё влияние из-за роста роли военных. Салим Хатум, напротив, происходил из среднего землевладельческого класса, а также был одним из тех военных, которые отстранили гражданских баасистов от власти. Тем не менее, эти политики объединились друг с другом и с прочими друзьями в одну группировку, основанную, таким образом, по этноконфессиональному принципу. Следова-

тельно, групповое участие в политике было отличительной чертой сирийских друзов в доасадовский период.

Однако с приходом к власти Х. Асада данная модель политического участия друзов ушла в прошлое. Сталкиваясь с друзским коммунализмом на протяжении своего пути к власти, президент осознавал, что подобная практика несёт в себе угрозу его режиму, учитывая степень сплочённости и кровно-земляческих уз друзской общины. Политическая целесообразность диктовала ему необходимость не допускать во власть друзов, имеющих прочную социальную базу, во избежание появления новых друзских группировок. Однако необходимость завоевать лояльность воинственной общины исключала вариант полной маргинализации друзских политиков во власти. В итоге для общины сложилась новая форма политической активности. В то время, как в Ливане и Израиле в исследуемый период друзья продолжали играть роль в политике лишь благодаря своей сплочённости и действиям в качестве коммуналистского меньшинства [6, с. 363], в Сирии они могли рассчитывать на продвижение лишь путём индивидуального участия в общенациональных институтах, принимая (хотя бы официально) идеологию панарабизма. К важным государственным и партийным постам допускались отдельные выходцы из общины, сами по себе не обладавшие политическим весом и обязаные своим положением исключительно воле правящего режима [6, с. 363]. Они никогда не блокировались и не образовывали группировок или коалиций внутри партии и правительства.

Наконец, в контексте идеологической политики правительства Х. Асада в отношении друзов стоит затронуть вопрос о друзских организациях и объединениях в Сирии в исследуемый период. В целях противодействия коммунализму и размывания партикуляристского самосознания баасистский режим утвердил негласный запрет на общинные организации — фонды, клубы и объединения, пропагандирующие определённую этническую или конфессиональную идентичность. Так, на фоне распространённого мнения об «алавитском режиме» и в целом засилья алавитов на высших должностях удивляет тот

факт, что в стране в 1970-2000 практически отсутствовали не только религиозные, но и культурно-образовательные алавитские организации. Так, единственной попыткой создания подобного объединения был клуб Аль-Муртада Джамиля Асада. Однако, просуществовав около двух лет, клуб был запрещён по указанию президента [10]. О прочих «алавитских» организациях в Сирии неизвестно. При этом такое положение дел не может являться следствием «закрытого» характера алавитского вероучения и тайной доктрины: в Турции, Ливане, США, Латинской Америке и других странах существуют многочисленные алавитские культурные и религиозные организации. Следовательно, отсутствие конфессиональных объединений является специфической чертой асадовской Сирии.

Друзские организации при Х. Асаде постигла та же участь. Единственный благотворительный Друзский сиротский приют, существовавший в стране с 1930-х гг., в 1972 г. вынужден был сменить название на Благотворительное общество (чтобы отойти от конфессионального элемента в названии), несколько изменил направления своей деятельности и перешёл под юрисдикцию государства [13, с. 164]. Вообще, баасисты поставили под контроль большую часть благотворительной деятельности (кроме упомянутых выше религиозных пожертвований), традиционно игравшей большую роль в друзской общине. В Сувейде и в целом по стране отсутствовали друзские политические и культурные объединения. В этот же период в странах Ближнего Востока и мира существовал целый ряд друзских обществ и клубов. В Ливане имеются «друзские» Социалистическая прогрессивная партия, Центр друзской общины и прочие объединения. В эмиграции наиболее известны Американское Друзское Общество, Друзская Лига в Мексике, Благотворительная друзская ассоциация в Аргентине, Друзское культурное общество в Венесуэле, Британское и Французское друзские общества. Счёт более малочисленным, провинциальным объединениям по всему миру идёт на десятки [3, с. 92]. Учитывая этот факт, становится очевидным, что отсутствие друзских организаций в Сирии является прямым следствием

политики правящего режима по борьбе с узоконфессиональной идентичностью друзов, что соответствовало общей линии правительства Х. Асада по отношению к этноконфессиональным меньшинствам, которым, с точки зрения баасистской идеологии, следовало воспринять общесирийскую идентичность и отказатьсь от изоляции и коммунализма.

В период правления Х. Асада в друзской общине Сирии произошли важные изменения, ставшие результатом политики власти по отношению к сепаратистской общине. Во-первых, власть и влияние потеряла феодальная аристократия, некогда являвшаяся фактически правящим классом в общине. Во-вторых, пришёл в упадок институт шуюх аль-акль, регулирующий до этого судебные, религиозные и законодательные аспекты жизни друзской общины. В-

третьих, был положен конец групповому, конфессионально-земляческому участию друзов в национальной политике. Взамен традиционных структур власть перешла в руки партийных и государственных институтов, а на руководящие посты избирались друзья-баасисты низкого происхождения. Государство поставило под контроль судебную систему и (в значительной степени) благотворительность. Друзские конфессиональные объединения перестали существовать. Эти аспекты стали отражением генеральной линии баасистского руководства на «деконфессионализацию» сирийского общества и утверждение общенациональной идентичности граждан взамен устоявшейся на протяжении столетий самоидентификации по этнорелигиозному и общинному принципу.

Список литературы

1. Al-Assil, I., Slim, R. The Syrian Druze at a Crossroads // Middle East Institute. 13.07.2015 . [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mei.edu/content/article/syrian-druse-crossroads> (дата обращения 11.09.2018)
2. Batatu, H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. 413 p.
3. Betts, R. B. The Druze. Yale University Press, 1990. 192 p.
4. Dana N. The Druze in the Middle East: Their faith, leadership, identity and status. 5. Brighton and Portland: Sussex Academic Press; 2003. 227 p.
5. Einhorn, T. Private international law in Israel. Kluwer Law International, 2009. 552 p.
6. Firro K. M. A History of the Druzes. Brill; 1992. 403 p.
7. Firro, K. M. Reshaping Druze Particularism in Israel // Journal of Palestine Studies. 2001. №3. pp. 40-53.
8. Gambill, G. C. Syrian Druze: Toward Defiant Neutrality // Foreign Policy Research Institute. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fpri.org/docs/Gambill - Syrian Druze.pdf> (дата обращения 15.10.2018)
9. International Bank for Reconstruction and Development, The Economic Development of Syria. 1990.
10. Jamil Assad, 71; Uncle of Syrian President Bashar Assad Was in Parliament // Los Angeles Times. 17 December 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://articles.latimes.com/2004/dec/17/local/me-passings17.1> (дата обращения 03.10.2018)
11. Kerr M., Larkin C., editors. The Alawis of Syria: War, faith and politics in the Levant. Oxford University Press; 2015. 384 p.
12. Khalaf, S. Land Reform and Class Structure in Rural Syria. Syria: Society, Culture, and Polity. 1991. pp.63-78.
13. Khuri F. I. Being a druze. Spotlight Poets; 2004. 295 p.
14. Landau, J. M. The Arabs in Israel: A political study. Routledge, 2015. 313 p.
15. Landis, J. Mansour al-Atrash has Died at 80 // Syria Comment. 16.11.2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.joshualandis.com/blog/mansour-al-atrash-has-died-at-80/> (дата обращения 02.10.2018)
16. Lefèvre R. Ashes of Hama: The Muslim Brotherhood in Syria. Oxford University Press, USA; 2013. 272 p.

17. Schiffrin, H. Z., editors. Military and state in modern Asia. Transaction Publishers, 1974. 319 p.
18. Van Dam N. The struggle for power in Syria: sectarianism, regionalism and tribalism in politics, 1961-1980. Croom Helm; 1981. 257 p.
19. Who's who in Lebanon // BBC News. 14.03.2005. [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/4348129.stm (дата обращения 02.10.2018)
20. [معروف؟ أب ناء خذله ف هل إلا سد ه شه الأطرش باشا سلطان الجلاء ذكرى في] [Фи зикраль-джаял] Султан Паша Аль-Атраш хамашахуль-Асад фахаль хазаляху абна уль-маруф?] (В годовщину смерти Султана-паша Аль-Атраша: Асад отстранил его, но забыли ли о нём друзья?) // Orient Net. 16.04.2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.orient-news.net/ar/news_show/86756/0 (дата обращения 13.10.2018)

POLICY OF HAFEZ ASSAD TOWARDS THE SYRIAN DRUZE COMMUNITY: POLITICAL AND IDEOLOGICAL ASPECTS

The article is devoted to the study of the relations between the regime of Hafez Al-Assad (1970-2000) and the Druze community — a compact ethno-religious minority which constitutes 2-3% of the Syrian population and dwells primarily in the southern governorate of Suwaida. Being the most secretive and self-contained group of the Syrian Arab Republic's population, the Druze had been opposing the central Syrian government for decades irrespective of the latter's ideological affiliation or policy adopted. In order to put an end to the exclusiveness and closeness of the rebellious and particularist community the Ba'thi government had to implement a series of socio-economic, political and ideological measures which were aimed at breaking down traditionally high role of the feudal notability, authority of religious powers, and symbols and manifestations of the Druze confessionalism. Both these measures and new forms of the Druze political participation in political life are examined in the article below.

Keywords: Syria, the Druze, Suwaida, Jebel Druze, Ba'thism, Hafez al-Assad, sectarianism, confessionalism.

References

1. Al-Assil, I., Slim, R. The Syrian Druze at a Crossroads // Middle East Institute. 13.07.2015 - from <http://www.mei.edu/content/article/syrian-druse-crossroads>.
2. Batatu, H. Syria's peasantry, the descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton University Press, 1999. 413 p.
3. Betts, R. B. The Druze. Yale University Press, 1990. 192 p.
4. Dana N. The Druze in the Middle East: Their faith, leadership, identity and status. 5. Brighton and Portland: Sussex Academic Press; 2003. 227 p.
5. Einhorn, T. Private international law in Israel. Kluwer Law International, 2009. 552 p.
6. Firro K. M. A History of the Druzes. Brill; 1992. 403 p.
7. Firro, K. M. Reshaping Druze Particularism in Israel // Journal of Palestine Studies. 2001. №3. pp. 40-53.
8. Gambill, G. C. Syrian Druze: Toward Defiant Neutrality // Foreign Policy Research Institute. 2013 - from https://www.fpri.org/docs/Gambill_-_Syrian_Druze.pdf (дата обращения 15.10.2018)
9. International Bank for Reconstruction and Development, The Economic Development of Syria. 1990.
10. Jamil Assad, 71; Uncle of Syrian President Bashar Assad Was in Parliament // Los Angeles Times. 17 December 2004 - from <http://articles.latimes.com/2004/dec/17/local/me-passings17.1>
11. Kerr M., Larkin C., editors. The Alawis of Syria: War, faith and politics in the Levant. Oxford University Press; 2015. 384 p.
12. Khalaf, S. Land Reform and Class Structure in Rural Syria. Syria: Society, Culture, and Polity. 1991. pp.63-78.
13. Khuri F. I. Being a druze. Spotlight Poets; 2004. 295 p.
14. Landau, J. M. The Arabs in Israel: A political study. Routledge, 2015. 313 p.
15. Landis, J. Mansour al-Atrash has Died at 80 // Syria Comment. 16.11.2006 – from <https://www.joshualandis.com/blog/mansour-al-atrash-has-died-at-80/>
16. Lefèvre R. Ashes of Hama: The Muslim Brotherhood in Syria. Oxford University Press, USA; 2013. 272 p.
17. Schiffrin, H. Z., editors. Military and state in modern Asia. Transaction Publishers, 1974. 319 p.

18. Van Dam N. The struggle for power in Syria: sectarianism, regionalism and tribalism in politics, 1961-1980. Croom Helm; 1981. 257 p.
19. Who's who in Lebanon // BBC News. 14.03.2005 – from http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/4348129.stm
20. [المعروف؟ أب ناء خذله فهل إلا سد هـ شه الأطربش بـ اشا سـ لطـان الـ جـلاءـ ذـكـرىـ فـ يـ] (Fiz-zikral jala Sultan Basha Al-Atrash hamashahul-Assad fahal hathalahu abna ul-maruf?) (On the anniversary of Sultan Pasha Al-Atrash's death: Assad marginalized him, but did the Druze forget him?) // Orient Net. 16.04.2015 – from https://www.orient-news.net/ar/news_show/86756/0/

Об авторе

Кожемяк Никита Сергеевич – аспирант, сотрудник Управления по работе со студентами и выпускниками Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: nikitakozhemyak@yandex.ru

Kozhemyak Nikita Sergeevich – PhD student at the MGIMO University and an employee at the MGIMO Department for Work with Students and Graduates. E-mail: nikitakozhemyak@yandex.ru.